

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 67

О «ПОЛУСУФФИКСАХ» В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. Каллистова

В современном шведском языке среди сложных слов имеется большое количество образований, вторые компоненты которых по своей функции приближаются к словообразовательным морфемам, — сравните, например, *båtsman* 'боцман', *fackman* 'специалист в какой-нибудь области', *idrottsman* 'спортсмен', *gårdfolk* 'прислуга, дворня', *husbondfolk* 'хозяева (в деревне)', *kvinnfolk* 'женщины', *manfolk* 'мужчины', *hastverk* 'спешка', *debutverk* 'первое произведение', *lövverk* 'листва', *båtkarl* 'гребец', *dagakar!* 'поденщик', *disciplinkarl* 'лицо (в школе), способное поддерживать хорошую дисциплину' и т. д.

Сходство вторых компонентов перечисленных выше сложных слов со словообразовательными элементами проявляется в том, что такие компоненты, подобно некоторым суффиксам (например, *-age*, *-inna*, *-dom*), сообщают всему слову какое-нибудь одно (реже — два) вполне определенное значение. Они могут обозначать, например, лицо, множество, произведение и т. д. С помощью вторых членов описываемого вида в шведском языке образуется большое количество слов, обозначающих новые предметы и понятия. Сравните, например, *hallåman* 'диктор', *raketman* 'ракетчик', *filmverk* 'произведение киноискусства', *elverk* 'электростанция', *expresskar!* 'курьер, рассыльный', *formkar!* 'формалист' и т. п.

Случаи ослабления у одного из компонентов сложного слова его лексической значимости и переходы таких компонентов в морфологические элементы описаны, как известно, в истории всех германских языков.¹ На активность этой тенденции в современных языках указывает ряд исследователей.²

¹ Ср., например, суффиксы: швед. *-het*, дат. *-hed*, норв. *-het*, нем. *-heit* (*-keit*), англ. *-hood*, а также швед. *-skap*, нем. *-schaft*, англ. *-ship*, которые входят к общим германским словам, некогда существовавшим в соответствующих языках (ср. готск. *haidus* и др.-исл. *skap*) и выступавшим в качестве вторых компонентов сложных слов.

² F. Justi. *Über die Zusammensetzung der Nomina in den indogermanischen Sprachen*. Göttingen, 1861, 3; C. T. Сагг. *Nominal Compounds in Germa-*

Очевидно, что процесс изменения морфологической структуры сложного слова не является быстрым и, так сказать, однократным процессом. Конечному превращению слова в словообразовательный элемент предшествует длительный переходный период, продолжающийся не один десяток лет. В грамматиках различных германских языков, а также и в специальных работах по словообразованию обычно говорится только о результатах названного процесса, но редко указывается на явление грамматикализации элементов сложных слов на современном этапе их развития.

В последнее время один из видных исследователей немецких словообразовательных процессов М. Д. Степанова предложила выделять при синхронном описании слов наряду с корнем, окончанием и другими элементами и так называемые «полусуффиксы», т. е. элементы, подобные шведским *-man*, *-folk*, *-verk*, *-karl* и т. д.³

Представляется, однако, что признаки немецких «полусуффиксов», имеющих в целом ту же специфику, что и шведские «полусуффиксы», М. Д. Степанова определяет недостаточно полно и точно.⁴

Настоящая статья имеет целью указать на некоторые причины появления в шведском языке категории «полусуффиксов» или иначе — на причины, вызывающие сближение лексически полновесных компонентов со словообразовательными морфемами. Анализ указанного явления проводится на материале «полусуффиксов» только одной части речи, а именно — имени существительного.

Совершенно естественно, что определение понятия «полусуффикс» неразрывно связано с отграничением этой единицы от других морфологических элементов слова. Вместе с тем *unic. St. Andrews University Publications*, XLII, XVII; A. Noreen. *Vårt språk*, VII. Lund, 1906, 196—197; Г. Пауль. Принципы истории языка. Русск. перевод, М., 1960, 410; В. М. Жирмунский. Развитие строя немецкого языка. М.—Л., 1936, 60; В. А. Богородицкий. Введение в изучение современных романских и германских языков, изд. 2-е, М., 1959, 168—170.

³ М. Д. Степанова. Семантика определительных составных существительных в современном немецком языке. «Иностр. язык в школе», 1948, 2; Е е же. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, 152 и сл.; Е е же. Словосложение в современном немецком языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1960, 23 и сл. См. также работы, отражающие дискуссию о теории «полуаффиксов»: К. А. Левковская. О словообразовании в его отношении к грамматике и лексикологии. В кн.: «Вопросы теории и истории языка», М., 1952, 155. Рецензия К. А. Левковской на книгу М. Д. Степановой — ВЯ, 1955, 1; К. А. Левковская. О префиксации в системе словообразования. В кн.: «Вопросы грамматического строя», М., 1955, 200 и сл.; Е е же. Лексикология немецкого языка. М., 1956, 192; И. И. Ревзин. По поводу рецензии К. А. Левковской на книгу М. Д. Степановой. ВЯ, 1955, 5; В. М. Жирмунский. О синхронии и диахронии в языкознании. ВЯ, 1958, 5.

⁴ М. Д. Степанова справедливо указывает на трудности описания и отграничения этой грамматической единицы «от обычных компонентов, с одной стороны, и от аффиксов, с другой» (М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке. Автореф. докт. дисс., 24).

вестно, что до настоящего времени не существует точных критериев, определяющих различие между словом и морфемой.⁵ Тем более трудно найти такие критерии для выделения «полуаффиксов».

Говоря о признаках превращения компонента сложного слова в «полуаффикс», М. Д. Степанова пишет: «...компонент сложного слова может рассматриваться как словообразовательное средство при взаимодействии двух условий: его омонимичности по отношению к опорному слову или значительной степени десемантизации и, одновременно, при продуктивности модели со сходной структурной и семантической мотивированностью, обусловленной употреблением общего компонента».⁶

Указанные автором признаки, т. е. омонимичность к опорному слову и значительная степень десемантизации, не являются, по нашему мнению, признаками одного плана, или «яруса». В самом деле, там, где имеет место омонимия одного из компонентов со словом, от которого он образован, там наблюдается и особое значение всего сложного существительного. В семантике таких слов значение компонентов омонимов обычно уже не прослеживается (сравните, например, значения шведских существительных *högfärd* 'высокомерие, чванство' и *välfärd* 'благополучие' с значением существительного *färd* 'поездка', основа которого является вторым членом указанных слов). Это обстоятельство не позволяет говорить о наличии у компонентов описываемого вида значения или функции «полусуффикса».

Что же касается явления так называемой «частичной десемантизации», то не совсем ясно, что в этом случае имеется в виду. М. Д. Степанова не раскрывает названного понятия, а приводимые в работе примеры свидетельствуют об очень широком понимании процесса потери одним из членов своей лексической значимости. Представляется, что слова типа шведского *samlingslokal* 'помещение для общественных зрелищ', *arbetslokal* 'рабочее помещение', *sjömanshem* 'клуб моряков', *studenthem* 'студенческое общежитие', *bagghem* 'детский дом', аналогичные приводимым М. Д. Степановой словам, имеют вторые компоненты, сходные с типичными, «стереотипными» (с точки зрения семантической структуры) компонентами других сложных существительных. Отсутствие в словах приведенного типа (относимых М. Д. Степановой к числу образований с «полусуффиксами») явления десемантизации может быть подтверждено, в частности, тем, что последние элементы их при необходимости (тогда, например, когда это требуется логикой речевой ситуации или

⁵ Подробнее об этом см.: Ю. С. Маслов. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема». Уч. зап. ЛГУ, № 301, серия филол. наук, вып. 60; С. С. Маслова-Лашанская. Типы морфем в современном шведском языке. Третья научная сессия по вопросам германского языкознания. Тезисы докладов. М., 1961.

⁶ М. Д. Степанова. Словосложение в современном немецком языке, 215—216 (рукопись).

контекстом) могут заменяться в шведском языке другими словами. Такое явление имеет место при обозначении профессии или социального положения лиц женского пола. Сравните: tjänsteman: tjänstekvinna 'служащий: служащая', riksdagsman: riksdagskvinna 'член парламента (мужчина): член парламента (женщина)', kontaktman: kontaktkvinna 'связной: связная', hovman: hovdam 'придворный: придворная (дама)' и т. п. Отсутствие явления частичной десемантизации у компонентов-«полу-суффиксов» подтверждается также еще и тем, что слова с такими элементами могут быть легко разложены на составные части и из этих частей может быть образовано сочетание, раскрывающее значение слова.⁷ Вычленение из слова с «полуаффиксом» обоих его элементов и возможность функционирования этих элементов в языке в качестве самостоятельных слов является, как кажется, одним из веских доказательств того, что десемантизация не может рассматриваться как основной признак процесса «полуаффиксации».

Продуктивность употребления вторых компонентов сложного слова, на которую далее указывает М. Д. Степанова, хотя и играет важную роль при образовании «полусуффиксов», также не может считаться достаточным признаком отграничения этой единицы от полнозначного компонента сложного слова.

Повторяемость одного из членов слова можно рассматривать, по-видимому, как важнейшую предпосылку превращения элемента слова в словообразовательную морфему. Без высокой частотности компонентов сложного слова никакие семантические изменения вообще не могут иметь универсального (по отношению к той или иной части речи) характера. Убедительным примером в этом отношении может служить процесс опрощения одного из членов слова. При таком процессе внутренние изменения структуры слова носят единичный, так сказать периферийный, характер. Результатом этих изменений является «перерождение» слова, переход его в иной морфологический класс слов (обычно слов простых). Этот переход не отражается на судьбе сходных с ним слов и тем более на судьбе процессов словообразования. Иное дело, когда намечающиеся тенденции или происходящие изменения носят массовый характер, т. е. имеют высокую частотность. В этом случае они могут привести к изменению функции компонента сложного слова. Вместе с тем следует учитывать, что повторяемость сама по себе не может служить причиной превращения члена слова в «полуаффикс», поскольку повторяемость вторых компонентов в огромном большинстве случаев имеет место лишь только потому, что эти компоненты

⁷ При явлении «полуаффиксации», однако, из членов слова не может быть образовано двухчленное словосочетание. Поэтому явление разложения слова здесь следует понимать условно. В этом случае скорее можно было бы говорить о вычленении элементов слова и возможности функционирования их в составе сочетаний.

обозначают широкораспространенные понятия, являющиеся родовыми по отношению к понятиям, обозначаемым всем словом. Сравните: *biljardrum* 'бильярдная', *diskrum* 'моечная', *sovrum* 'спальня', *avklädningsrum* 'гардероб'.

Какие же признаки в современном шведском языке могут иметь значение для определения специфики «полуаффиксов» и их отграничения? Представляется, что ответ на этот вопрос следует искать в особенностях семантической структуры сложных слов, из которых возникают эти образования.

В зависимости от лексического значения компонентов, а также от характера их смысловой связи сложные существительные могут быть разделены на три большие типа: 1) сложные слова, значение которых образуется в результате простого сложения лексического значения их компонентов, например *gumdskepp* 'космический корабль'; компоненты таких слов характеризуются отношением, сходным с семантико-синтаксическим отношением слов в атрибутивных словосочетаниях; 2) сложные слова, значение которых хотя и слагается из значения составляющих их компонентов, но является более связанным, чем у слов, из основ которых они составлены, при их употреблении в словосочетании, например *modersmålet* 'родной язык'; 3) сложные слова, значение которых не может быть выведено из суммы значения составляющих их компонентов, поскольку слова, от основ которых они образованы, в свободных сочетаниях или никогда не встречаются вместе или, если и встречаются, то образуют конструкцию с иным значением, чем значение сложного слова, например *frimärke* 'почтовая марка', *fingerborg* 'наперсток'. Условно перечисленные три группы слов можно назвать «свободными», «фразеологическими» и «идиоматическими» сложными существительными.⁸

Одним из важнейших признаков «фразеологических» сложных существительных является то, что их компоненты соединяются (в семантико-синтаксическом отношении) как развалентные единицы или как единицы, не встречающиеся в свободном сочетании в обычной речи.⁹

Если какая-нибудь группа «фразеологических» сложных слов в своем составе имеет компонент, повторяющийся в других «фразеологических» словах сходного типа, то диффузный характер связи еще более затемняется, поскольку повторяемость создает впечатление образования по аналогии в большей мере, чем аналогия форм неповторяющихся. Точнее, повторяемый в разных словах один и тот же компонент начинает восприни-

⁸ Подробнее о предлагаемой классификации смотрите статью автора «О синонимии сложных существительных и сходных с ними словосочетаний в современном шведском языке». Уч. зап. ЛГУ, № 308, серия филол. наук, вып. 62.

⁹ О понятии «валентности» в языке см.: С. Д. Кацнельсон. О грамматической категории. Вестник ЛГУ, 1948, 2, 132; А. А. Холодович. Опыт теории подклассов слов. ВЯ, 1960, 1, 35; Л. Н. Засорина, В. П. Берков. Понятие валентности в языке. Вестник ЛГУ, 1961, 8.

твяться как элемент морфологический, а не семантический (смысловая связь ведь диффузна, и она не содействует обнаружению внутренней формы определения). Сравните, например, *brandman* 'пожарный', *förlikningsman* 'арбитр', *industriman* 'промышленник', *körman* 'купец', *timmerman* 'плотник', где связь между *-man* и его определителями является не прямо атрибутивной, а опосредствованно атрибутивной.

Однако для того чтобы второй компонент «фразеологических» сложных слов превратился в «полусуффикс», невалентности членов и повторяемости одного из них также еще недостаточно. Вторым компонентом становится «полусуффиксом» лишь в том случае, если выражаемое им значение является не конкретным и конкретным, а обобщенным или общеродовым. Такое значение у компонента-«полусуффикса» может наличествовать наряду с имеющимся у него конкретным значением. Сравните, например, значение существительных, являющихся «полусуффиксами»: *-man* 'мужчина' и 'человек', *-folk* 'народ' и 'общность людей, люди', *-verk* 'произведение' и 'дело, действие' и т. д.

В противоположность этому слова с конкретным значением, даже если они, являясь вторыми компонентами сложных слов, и часто повторяются, — не имеют тенденции стать «полусуффиксами», например, слова со вторыми членами *-bod* 'лавка, лавочка' и *-bord* 'стол': *brödbod* 'хлебная лавка', *charkuteribod* 'мясная лавка', *cigarrbod* 'табачный магазин', *vedbod* 'дровяной лавочка'; *blomsterbord* 'столик для цветов', *förhandlingsbord* 'стол (для) переговоров', *björkbord* 'березовый стол' и т. д.

С основной особенностью «полусуффиксов», а именно — их невалентностью со словом-опредлителем связано и то, что они могут соединяться с разными частями речи и словами разной семантической структуры. Сравните, например, первые компоненты приводимых ниже слов с «полусуффиксом» *-man* и слова, от которых они образованы: *krigsmän* 'воин' и *ett krig* 'война', *körman* 'купец' и *att köpa* 'покупать', *affärsman* 'бизнесмен' и *en affär* 'дело', *förtroendemän* 'доверенное лицо', 'депутат' и *ett förtroende* 'доверие', *järnvägsmän* 'железнодорожник' и *en järnväg* 'железная дорога'.

Представляется, что окончательный переход «полусуффикса» в суффикс может в языке иметь место лишь при утере «полусуффиксом» полностью своего лексического значения или иначе — при выпадении из лексического состава языка того слова, от основы которого он образован.

ВЫВОДЫ

1. Основной предпосылкой перехода лексически однозначного компонента сложного слова в «полусуффикс» является семантическая структура сложного слова. Слова с «полусуффиксами» характеризуются тем, что смысловая связь между их

членами является опосредствованно атрибутивной и отличается от семантико-синтаксической связи этих же членов при их свободном употреблении в предложении.

2. Превращение компонента сложного слова в «полусуффикс» имеет место тогда, когда он выражен основой существительного с обобщенным или обобщенно родовым, а не узким и конкретным значением.

3. Компонент сложного слова переходит в «полусуффикс» только в тех случаях, когда он характеризуется высокой частотностью употребления.

4. Окончательное превращение «полусуффикса» в суффикс может иметь место лишь при выпадении слова, от основы которого он образован, из лексического состава языка.

OM "HALVSUFFIX" I SVENSKAN

I. V. Kallistova

I föreliggande artikel analyseras några förutsättningar, som leder till att efterleder i sammansatta ord övergår till s. k. "halvsuffix" dvs. till element, som har egenskap av både ord och suffix, jfr. efterleder hos sådana substantiv som t. ex. *båtsman*, *fackman*, *idrottsman*, *gårdsfolk*, *husbondfolk*, *kvinnfolk*, *manfolk*, *dagakarlar*, *disciplinkarlar*, *båtskarlar* osv.

Huvudanledningen till att efterledernas lexikaliska betydelse försvagas är i första rummet det sammansatta ordets semantiska struktur. Ju mer denna struktur är fördunklad, dvs. ju mer den skiljer sig från den liknande attributiva konstruktionens struktur, desto fortare uppkommer förutsättningarna för efterledernas morfologisering.

Uppkomsten av "halvsuffix" är för det andra nära förknippad med efterledernas frekvens.

Jämte dessa två faktorer spelar efterledernas lexikaliska betydelse även en stor roll, när andra komponenter övergår till "halvsuffix". Sådana efterleder är vanligtvis bildade av substantiv, som har abstrakt betydelse.
